

СЕДЬМОЙ ВЫСТРЕЛ КИЛЛЕРА НА ДЕНЬКИ

ИРИНА КАЛЮЖНОВА

Ирина Калюжнова Седьмой выстрел киллера Наденьки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21380698
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Наденька знала не понаслышке – либо тебя уничтожат, либо ты сама должна убить. Ей давали пистолет и она стреляла. Но потом появилась возможность спастись самой и вырвать из лап смерти молодого изобретателя Егора. Они уехали за границу. Егор успешно работает в одной из тамошних фирм. Состоялась свадьба. Но сердце Наденьки осталось в родном городе, с человеком которого она любила, и ради встречи с которым жила. Она возвращается, не предполагая, что любимый снова даст ей в руки пистолет. Действие происходит в конце 90-х годов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Калюжнова

Седьмой выстрел киллера Наденьки

*Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой —
Отравой похвал,
Коварным поцелуем – трус,
А смелый – наповал.*

Оскар Уайльд

Глава 1

Заклученный Роман Мармур прошел свой последний шмон и вышел за ворота. Теперь он свободен. Но что свобода ему сулит? Он не мог оценить однозначно все, что произошло с ним в последнее время. Но ничего хорошего почему-то не ждал. В последний год его тюремная жизнь круто переменялась. Совершенно неожиданно он получил письмо от Нади. О ней он не думал и не вспоминал ни разу. Хотя, когда они вместе учились в школе, между ними возникло что-то вроде романа, но потом другая смелая и рано созревшая девчонка помогла ему приобрести так называемый сексуальный опыт, и Наденька отошла на второй план. Ему тогда казалось, что она еще совсем ребенок и не может знать и понимать того, что важно для него. Правда, в университете, где он учился на механико-математическом, а Наденька на факультете иностранных языков, они иногда встречались и даже часто подолгу беседовали в основном о книгах, но особой дружбы между ними не возникло. Он не думал, что она в курсе его злоключений. Она писала, что узнала о том, что он в тюрьме, от Жени и Олечки на встрече выпускников; не ожидал он, что она ходит на такие мероприятия, она всегда не любила массовок. Письмо Наденьки было неприятно ему, больно и стыдно, что она знает о его грандиозной дурости. В тюрьме он постоянно думал, как по-идиотски поступил,

связавшись с этими недоумками, чтобы ограбить магазин. Было все глупее глупого, и их, конечно поймали. Недоумков отмазали, а его отмазывать было некому. Он пошел на грабеж для того, чтобы достать денег на операцию для мамы, и не достал. Он часто думал: хорошо, что мама умерла ещё до вынесения приговора.

Отец Ромки – главный инженер крупного предприятия – погиб в результате несчастного случая на производстве, с этого и начались все их несчастья. По поводу смерти его отца говорили разное, а мама вообще не сомневалась, что все было подстроено специально.

Настали новые времена, и их маленькая семья впала в нищету. Ромкина мама раньше почти не работала, так, в библиотеке что-то делала, чтобы совсем не отрываться от жизни. Муж её зарабатывал достаточно, и она занималась собой и домом. После смерти отца они остались почти без всяких средств. Немногие ценные вещи были проданы на удивление дешево, а деньги на сберкнижке обесценились. По настоянию матери Ромка не бросил университет, а просто подрабатывал где мог, но получалось все равно мало.

Мама не предпринимала ничего, она часами сидела в углу дивана, уставившись в одну точку. Муж был для нее всем, она не могла ни смириться, ни отвлечься, ни жить ради сына. Возможно, это и послужило причиной болезни. Хотя врачи говорили, что в ее случае операция, вероятнее всего, пройдет удачно. Но денег на операцию не было, и Ромка не до-

стал их, а оказался в тюрьме. Письмо Наденьки причиняло боль, хотя она и старалась вселить в него бодрость разными оптимистическими высказываниями. Вообще письмо было странным и не походило на то, какое могла написать Наденька, та, которую он помнил. Похоже, что Наденька сильно изменилась с момента их последней встречи.

Ромка вдохнул воздух свободы, и ему стало тошно. Этот воздух отдавал сыростью и одновременно пылью. Если такое сочетание вообще возможно.

Ромка не особенно удивился, увидев серебристый «Мерседес», который явно встречал его. Тот, кто принял участие в его судьбе, конечно, сделал это небескорыстно и, разумеется, встретив, попытается как-то использовать.

Тогда после долгих раздумий он все же написал письмо Наденьке. Ответ пришел быстро, но не от Наденьки, а от мужчины, который назвался Александром Ваватьевичем. Письмо состояло из набора стандартных фраз, но, несмотря на это, произвело на Ромку лучшее впечатление, чем письмо Наденьки, оно не внушало стыда и не будило тяжелых воспоминаний. Затем стали приходить посылки, которые содержали именно то, что нужно, а вскоре Ромку перевели в тюремную библиотеку, а еще через некоторое время он попал под амнистию.

Ромка сделал первый шаг по направлению к «Мерседесу». Дверца приоткрылась, из нее высунулся круглоголовый мужик и проворчал:

– Ну, давай садись.

Ромка вздохнул и медленно направился к машине.

– Здравствуйте, – сказал он, подойдя вплотную, затем, немного помедлив, сел на переднее сиденье.

Мерседес тронулся. Ромка откровенно разглядывал своего спутника. Плотный, пожалуй, даже толстый, мужик с мягкими расплывчатыми чертами лица. Но, несмотря на толщину, в нем чувствовались сила, собранность и какая-то легкость. Казалось, каждую минуту он готов вскочить на ноги. Непосредственный шеф называл Александра Ваватьевича – Ваватыч, и так же звали его за глаза подчиненные. Он привык к этому имени и находил в нем что-то привлекательное. Ромка молчал, глядя в окно на пробегавшие мимо мокрые серые деревья. Свобода явно была не особенно рада встрече с ним. Пейзаж за окном представлялся столь же нудным и серым, как тюремная камера. Хотя, возможно, это только субъективное восприятие и он, Ромка, просто еще не почувствовал свободы.

Боковым зрением Ваватыч рассматривал Ромку. Щуплый паренек, спортом, наверное, никогда не занимался, взгляд отрешенный, волчонок голодный и злой. Впрочем, после того, что ему пришлось перенести, это неудивительно.

Ваватыч остановил машину, достал – фляжку с водкой и бутерброды с колбасой, которые приготовил заранее, и протянул все это Ромке.

– На, хлебни и ешь.

Ваватыч повернулся и теперь смотрел на Ромку в упор. Ромка тоже смотрел на него внимательно и открыто, но без вызова, — худущий, жадно пожирающий колбасу, то и дело прикладываясь к фляжке, он умудрялся держаться с достоинством. Собственно, именно таким и должен быть сын Гришки Мармура, одного из самых странных людей, которых Ваватычу приходилось встречать.

Когда Наденька рассказала ему про своего одноклассника, который сидит в тюрьме за попытку ограбления магазина, Ваватыч сразу обратил внимание на его фамилию и, наведя справки, выяснил, что он сын того самого Гришки. Вот так распорядилась судьба. В свое время этот самый Мармур прошел путь от рядового слесаря до главного инженера, и, что бы там кто ни говорил, Ваватыч знал, как такой путь проходят. И в комсомоле небось толкал речи, и, разумеется, в партию вступил, сексотом был, наверное, как же иначе, Ваватыч не верил, что можно было обойтись без этого, во всяком случае он делал все то, что положено было делать, и делал как положено, иначе бы его не продвигали. Он был умным мужиком и понимал этот мир, и как могло случиться, чтобы такой человек как пацан поверил в перемены.

Как назывался этот агрегат, Ваватыч не помнил, да и какое это имело значение, важно, что Мармур настаивал на его немедленном внедрении и нашел таких же сумасшедших, как он, которые дали положительные рецензии, несмотря на давление и угрозы. В то время вообще царила всеоб-

щая эйфория. Старые профессора, получавшие в прошлом инфаркты от начальственных разгонов, вдруг решили, что теперь они могут прожить своим умом и знаниями. И не понимали идиоты, что таких, как они, пруд пруди, а тех, кто был слегка повыше умишком, уже давно отовсюду повыгоняли или они сами уехали. Так тогда говорил шеф, и Вава-тыч был полностью с ним согласен и даже сам раз сказал одному из тех, кто подписал рецензию:

– Таких, как вы, академиков можно сколько угодно наде-
лать, нужно, чтоб вы работали на интересы страны.

И этот старый хрен, помнится, ответил с большим аплом-
бом:

– Я и работаю на интересы страны, только мы по-разному
их понимаем.

Правда, после того как его сына исключили из института и должны были забрать в армию, он стал сговорчивее, нашел какие-то там обстоятельства, по которым внедрение нежела-
тельно, и к нему даже прислушались – он в своей области был авторитетом. Но, несмотря на всё это, Гришке Марму-
ру удалось собрать команду, которая могла вполне реально осуществить внедрение. Были сотни раз просчитаны вариан-
ты, и по всем показателям оказывалось, что внедрение агре-
гата, изобретенного каким-то ненормальным, выгодней, чем
зарубежная поставка. Но ни один из расчетов не учитывал,
что фирма «ИКМ», которой верой и правдой служил Вава-
тыч, занималась этими самыми поставками из-за рубежа и

уже получила аванс за продвижение товара.

Иностранная фирма осуществляла политику «продажа любой ценой». Устранение Мармура было одним из первых дел Ваватыча, и он осуществил его блестяще. В несчастном случае никто не сомневался, и следствие установило именно эту причину, а поскольку Гришка Мармур был главным инженером, то все неполадки можно было в значительной степени списать на его собственный недосмотр, к тому же все оборудование устарело. Об этом и сам Мармур достаточно часто говорил.

Итак, Гришка погиб, а защитники отечественных технологий замолчали как-то сами собой. Фирма «ИКМ» осуществила поставку и получила положенное. Название фирмы, «ИКМ», происходило от начальных букв имени ее владельца – Игоря Константиновича Мостового. Владелец «ИКМ» был сыном одного из лидеров довольно весомой, прошедшей в парламент партии. Фирма вела разнообразную деятельность. Ваватыч возглавлял в ней подразделение «Анонс», которое числилось самостоятельной единицей и занималось подготовкой охранников, ведя параллельно разные спортивные секции и занимаясь посредническими операциями. За ликвидацию Мармура Ваватыча, правда, отблагодарили меньше, чем он ожидал. Но тогда ему нужно было утвердить себя в фирме, и он не очень задерживался на этой мысли. В дальнейшем он имел много случаев убедиться, что никакой благодарности ждать и не следует; сколько бы шеф ни выжал

из него, при малейшей оплошности или просто за ненадобностью его выкинут и уничтожат как ненужный балласт.

И это убеждение сыграло немалую роль в том, что Ромка Мрамур сидел сейчас в его машине. Ромка молчал и, казалось, не имел никакого желания что-либо говорить, чем-то интересоваться и о чем-то спрашивать.

Неужели его не волнует вопрос, почему вдруг незнакомый человек занялся его судьбой и помогает ему? Впрочем, если рассуждать логически, зачем спрашивать? Кто не спрашивает, тому и не врут. Человек, который сумел и посчитал нужным сначала перевести его в тюремную библиотеку, а потом подвести под амнистию, все скажет сам – и скажет то, что найдет необходимым. Ваватыч посмотрел на, казалось бы, совершенно ушедшего в себя Ромку и наконец прервал длительное молчание:

– Ты помнишь Надю, с которой в одном классе учился?

Ромка повернулся и посмотрел на Ваватыча долгим и каким-то отрешенным взглядом.

– Помню, это она вам про меня рассказала, насколько я понимаю. Непонятно только для чего.

Ваватыч ответил не сразу. То, что сказал Ромка, можно было вполне посчитать грубостью, но, с другой стороны, ведь каждому, тем более тому, кто побывал за решеткой, известно, что самую лучшую песню для глупого мышонка исполнила кошка, которая его потом съела. Ромка просто хотел узнать цену своего освобождения, желательно полную и сра-

зу. Впрочем, если сказать ему правду, во всяком случае про Наденьку, он все равно не поверит, вряд ли стоит ему говорить, что Наденька была киллером, причем киллером очень хорошим. К таким сообщениям парень явно не готов, во всяком случае, пока. И Ваватыч ответил вопросом на вопрос:

– А что она просто захотела тебе помочь, ты не допускаешь?

Ромка помолчал, а потом ответил:

– Допускаю, но реально она ничем не могла бы мне помочь, это сделали вы, и я а не знаю, зачем вам это понадобилось.

– Не думай, что это было так легко. По крайней мере, ты мог бы сказать мне спасибо.

Ромка смотрел все так же спокойно и отрешенно.

– Я думаю, вы сделали это не за спасибо.

Ваватыч почувствовал, что нужно произнести что-нибудь веское, что сразу бы все объяснило и поставило на свои места, если этому парню так нужна точность, пусть получает, и он сказал:

– Насколько я знаю, идти тебе сейчас некуда, квартира пропала, а родственники от тебя отказались, а мне нужен верный человек.

– То есть полностью от вас зависимый, – уточнил Ромка без вызова, а просто констатируя факт.

– Вроде того.

Ромка поднес к губам фляжку и сделал глоток.

– Будем считать, что так. И что же я должен делать?

– Там будет видно, посмотрим, на что ты способен, пока что я беру тебя на работу.

– Кем?

– Ты умеешь водить машину? – Да.

– Значит, шофером, фирма сняла тебе квартиру, скромную, но после зоны сойдет.

– Вы были в зоне? – поинтересовался Ромка.

– Нет.

– Это пробел в вашем образовании.

Ваватыч не сердился. Поведение Ромки забавляло его. Собственно, можно понемногу приступать к делу и смотреть, на что этот парень годится. Что касается образования, парень вроде бы успел окончить университет, но дело, конечно, не в этом. Сын Гришки Мармура должен разбираться в таких вещах. И Ваватыч сказал ворчливо и слегка насмешливо:

– В моем образовании еще много пробелов, например, хотелось бы знать побольше о ветроэлектростанциях. Что тебе о них известно?

Ромка подумал, потом сказал;

– В общем, немного, хотя...

– Что хотя?

Ромка слегка замялся, потом повторил решительно:

– Нет, совсем немного известно.

– А Наденька уехала с человеком, который изобрел в этом

смысле нечто уникальное.

– Она уехала?

Ромка задал этот вопрос, повернувшись к Ваватычу впол-оборота. На мгновение их взгляды встретились, и именно в этот миг Ваватыч вдруг отчетливо понял, что Ромка очень умен, но, несмотря на это, сохранит во многих вещах детскую наивность до седых волос, если, конечно, проживет так долго. А это значит, что с ним можно вести дело начистоту. Ваватыч отвернулся и заговорил, внимательно глядя на дорогу:

– Да, она уехала за границу, дело в том, что у нас, у нашей фирмы был с этим изобретателем договор. В случае если мы найдем покупателя на его изобретение, то получаем определенный процент, но он сумел напрямую договориться с покупателем, с представителем фирмы, неким Мануилом Бейлисом, и уехал.

– Вместе с Наденькой?

– Да.

– Я так понимаю, что это она помогла ему договориться.

– Правильно понимаешь.

– То есть он лишил вас прибыли, и Наденька ему в этом помогла.

– Да, но сейчас дело не в этом. Дело в том, что перед отъездом Наденька оставила мне все чертежи и описания на изобретение.

– А сам изобретатель об этом знает?

– Не думаю, но в чужой стране это изобретение составляло единственное их богатство, она не могла сознательно лишиться всего – его и себя.

Ваватычу казалось, что Ромка не особенно вникает в смысл его слов, но Ромкин вопрос попал в самую точку:

– У вас могли быть неприятности в связи с их отъездом?

Ваватыч слегка помедлил, что-то кольнуло его в сердце, и он вынужден был сделать полный вдох, прежде чем сказать:

– В некотором роде.

– Может быть, оставляя чертежи, она хотела вам помочь?

– Может быть.

Ромка посмотрел на него пытливо и снова спросил:

– Она к вам хорошо относилась?

Ваватыч вздрогнул. Ему понадобилось несколько минут, чтобы спокойно ответить:

– Да, она хорошо ко мне относилась, но никогда не стада бы грабить Егора.

– Какого Егора?

– Этого изобретателя зовут Егор Сергеевич, впрочем, какая разница, как его зовут.

– А она сама вам ничего не объяснила?

– Я не видел ее перед отъездом, они уехали тайно, они удрали. Бежали, потому что им угрожала опасность, но она оставила матери чертежи для меня.

Вдруг Ромка преобразился, глаза на его а исхудалом измученном лице заблестели, сейчас он был почти красивым. Он

повернулся к Ваватычу всем телом и увлеченно заговорил:

– Знаете, я вообще-то не инженер, я математик, вернее окончил математический, но в душе я более всего технарь. В технике есть поэзия, в ней есть справедливость, потому что каждая машина работает или не работает независимо ни от чего, ни от каких-то там отношений, блата и связей. Вы понимаете?

Ваватыч не считал нужным что-либо понимать, но кивнул, поощряя Ромку продолжать, и Ромка продолжил:

– Я этими установками давно интересовался, считается, что они экологически чистые, но это не совсем так, вернее, совсем не так. Потому что, во-первых, они занимают большую площадь, во-вторых, сам процесс их работы может нарушить экологическое равновесие, и вообще все новые модификации отличались только высотой и размахом, в некотором отношении технически это тупиковый путь...

Ромка говорил, почти забыв о Ваватыче, он говорил для себя. Переключаясь с житейского на интеллект, он отдыхал, отключался от действительности, и это в значительной степени помогло ему сохранить свою психику в условиях зоны. Ваватыч слушал, слушал внимательно, хотя и не вникал в смысл слов, он не представлял себе, как можно всерьез интересоваться такими вещами, тем более сразу после выхода из тюрьмы. Занятный парень, и сейчас это, пожалуй, именно то, что ему надо. Несмотря на то что Ромка говорил о вещах, которых Ваватыч не понимал и не хотел понимать, во всем

облике этого довольно нескладного парня и в его словах было что-то притягательно-детское, незрелое. Сколько же ему лет? Если они с Наденькой вместе учились в школе, значит, двадцать четыре. Каким он сам был в таком возрасте?

Это время Ваватыч помнил хорошо. Был он вполне взрослым и даже женатым и устроен был вполне неплохо. В институте вступил в партию, а после защиты диплома пошел работать на завод и очень быстро стал замом начальника цеха, а потом и начальником, и это вполне его устраивало, он жил в полном согласии с миром и с самим собой, очень довольный теми возможностями, которые давала ему должность. Мелкие взятки, хищения, приписки, ремонт родительского дома в деревне за счет материалов предприятия – все это наполняло его гордостью и в его окружении называлось умением жить. Когда начались новые времена, он считал, что ему повезло, он стал генеральным директором фирмы «Анонс», которая входила в комплекс «ИКМ», и у начальства Ваватыч был не последним человеком, правда, в дальнейшем пришлось заниматься заказными убийствами, искать исполнителей и руководить ими, но до определенного времени это его вполне устраивало. Углубившись в свои мысли, Ваватыч не сразу заметил, что Ромка молчит и вопросительно смотрит на него.

– Что? – рассеянно произнес Ваватыч.

Оказывается, Ромка что-то настойчиво твердит уже давно. А он, задумавшись, не слышал.

– Мне нужно посмотреть эти чертежи, – повторил Ромка.

– Посмотришь, – сказал Ваватыч, и вдруг отчетливо понял, что Ромка никогда бы не стал стрелять. Почему ему в голову вдруг пришла эта мысль, разве с этой целью он принял участие в судьбе парня? Киллер ему не нужен и больше никогда не понадобится. Он и сам не смог бы толком сформулировать, зачем ему этот парень. Во всяком случае, не во искупление своей вины он сделал все, чтобы подвести Ромку под амнистию. С его точки зрения, виной это не считалось. Но все же он чувствовал, что поступает правильно. Больше они не разговаривали. Начался дождь. Ромка отвернулся к окну и, казалось, весь углубился в созерцание косых струй. Ваватыч включил «дворники», и ему представлялось, что они раздвигают завесу, за которой спрятано прошлое.

Сквозь серые струи дождя он видел Наденьку. Вот она стоит в лесу, бессильно сжимая пистолет. Вот они вместе кидают в яму тех, кого она убила. Это был ее первый выстрел, после которого ее должны были ликвидировать, но она сумела обмануть и застрелить двух незадачливых исполнителей. Собственно, так и началась их любовь, в которой они долго не признавались самим себе. Наденька уехала, чтобы спасти себя, она знала, что исполнители не живут долго. Она поставила его под удар, но он не был на нее в претензии. Она должна жить. Без нее он бы еще долго не понял, что, несмотря на все свои заслуги, для шефа он просто баран, обреченный на заклание. Наденька оставила ему не только чертежи и

описания изобретения, но и короткую записку красным фло-мастером: «Я Вас люблю». Да, у него действительно могли быть, как сказал Ромка, неприятности, если можно назвать неприятностями приказ шефа ликвидировать его за то, что он не сумел предусмотреть бегства Егора и Наденьки. Только такого человека, как он, который сам организовал столько убийств, не так-то просто застрелить. Он увидел киллера и сумел упасть раньше, чем этот недоумок спустил курок. Но тогда у него уже были чертежи и описания, которые передала ему мама Наденьки. С помощью этих документов Ваватыч оправдался перед шефом. Во всяком случае, его оставили в живых и до сих пор не трогали. Он знал, конечно, что это до поры до времени, и все же Наденька спасла его этим. Она правильно все рассчитала.

Но как могла она оставить Егора ни с чем, да и себя тоже? Это был вопрос, над которым Ваватыч думал и который не мог разрешить. Дождь все усиливался и хлестал в лобовое стекло. Сквозь дождевые струи он видел ее в комнате с широкой тахтой, там впервые они были близки, мог ли он думать тогда, что это и последняя их близость. Последняя? Нет и еще раз нет! Они скоро встретятся и будут вместе, их связывает что-то не поддающееся объяснению. Ваватыч это знал и не сомневался, что она тоже это знает. Потому что просто не могло быть иначе. Эта истина представлялась слишком категоричной и потому вызывала сомнения; эта истина состояла в том, что нет ничего такого, чего бы не могла

предвидеть любовь.

Глава 2

Наденька надевала свадебную фату. И хотя в зеркале она выглядела довольно привлекательно, на душе было черным-черно. В замкнутом мирке эмигрантской колонии тоска находила на нее волнами и сменялась короткими периодами эйфории, когда она ощущала себя победительницей. Конечно, если смотреть на вещи объективно, она действительно вышла с честью из труднейшей ситуации. Всего каких-нибудь полтора года назад, когда закрыли школу, где она преподавала английский язык, Наденька пришла устраиваться к Ваватычу секретаршей и от полной безнадёги согласилась на свой первый выстрел. Она не только провела операцию удачно, но и сумела выжить после нее, уничтожив тех, кто должен был ликвидировать ее после выполнения задания. И Ваватыч оценил ее хладнокровие и находчивость. Она стала его секретарем-референтом, а также киллером, причем хорошим киллером, выполнявшим все задания четко и профессионально. Но между ней и Ваватычем была еще и любовь, любовь странная, вначале удивлявшая ее саму, но это была именно та любовь, которая сильна, как смерть. Поняв, что круг замыкается и петля начинает стягиваться вокруг неё, Наденька сумела разорвать сети и уехать за границу вместе с Егором, ее поступок не противоречил любви. Они оба должны были жить, жить друг для друга и не дать тем, кому

они служили, уничтожить себя, как баранов. Они еще; встретятся обязательно и будут вместе, она это твердо знала, и ее предстоящая свадьба не имела к этому никакого отношения.

Теперь Егор в парадном жениховском костюме, который ему не шел, появился в дверях и смотрел на нее из зеркала. Она улыбнулась ему через силу, стараясь, чтоб он не заметил ее отчаяния. Он не виноват, что у нее хандра и перепады настроения, не виноват, что подготовка к свадьбе действует на нее угнетающе. За время их совместной жизни он показал себя милым, предупредительным и ненавязчивым. И это было хорошо само по себе. Да и разумно ли требовать большего?

С того времени, как она впервые увидела его, он почти не переменялся, полная смена обстановки не оказала на него никакого воздействия. Тогда, конечно, он был плохо одет, а сейчас может себе позволить хорошие вещи. Но Егор никогда не интересовался барахлом, да он и не из тех, кого одежда меняет, он личность, этого у него не отнимешь. Собственно, она сразу поняла это, как только его увидела. Он пришел в «Анонс», где она была секретаршей, в надежде как-то реализовать свое изобретение, потому что в рекламе фирмы указывались и посреднические услуги. Она сразу поверила в его ветроэлектроустановку и взялась ему помочь, хотя была по складу ума гуманитарием и не видела разницы между ветродвигателем и синхрофазотроном. Было в Егоре то, что заставило Наденьку принять в нем участие, и ее действия

оказались правильными. Фирма «Анонс» нашла покупателя для установки Егора, как водится, посчитав, что платить изобретателю совершенно не обязательно. Но когда Егор решил связаться с заводом «Станкинпром», директор которого сделал попытку получить государственный кредит, фирма «Анонс» приняла решение ликвидировать Егора, поскольку изобретение уже находилось в ее собственности. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Наденька. Именно она нашла Мануила Бейлиса, с которым вела переговоры фирма, и свела его с Егором. В результате посредник фирмы-покупателя не стал заключать договор с «Анонсом», а увез Егора за границу вместе с Наденькой. Воспользовавшись тем, что она как секретарша имела доступ к документам, Наденька изъяла все чертежи и описания изобретения из папки фирмы «Анонс», но в последнюю минуту перед отъездом оставила маме конверт для Ваватыча с этими чертежами. Она чувствовала, что Ваватыч сумеет ими воспользоваться. Ведь никто не знал, что никакой ценности они фактически не представляют. Сейчас Наденька часто задавала себе вопрос, верит ли Егор в опасность, которая ему угрожала, он не высказывал сомнений вслух, но Наденька не исключала, что он считает, будто она просто воспользовалась возможностью уехать с ним за границу. Впрочем, ему было здесь лучше, чем ей, – он получил возможность работать, тут ценились и его изобретения, и потенциальные возможности. Правда, договор, который Егор перед отъездом подписал с

Бейлисом, оказался кабальным – все последующие изобретения Егора должны были перейти в собственность фирмы, представителем которой был Бейлис. Чего и следовало ожидать. Хотя фирма предоставила Егору удобное жилье, пристойную оплату, дала возможность ездить на конференции и вести исследования. В эмигрантской среде считалось, что они устроены для начала совсем неплохо. Если Егор и думал о невыгодных условиях, в которые попал, то никогда не говорил об этом, он был творцом, и его увлекал сам процесс работы. Он смотрел на Наденьку в зеркало и улыбался.

Подвенечное платье шло ей. Длинные золотистые локоны падали из-под фаты, спускаясь на грудь. Егор подошел к ней сзади и обнял. Они стояли перед зеркалом и целовались. И целуется он неплохо, можно даже сказать – хорошо, не могла не признать Наденька и вдруг подумала, что они никогда не говорили о любви, впрочем, в этом не было необходимости. Она помогла ему уехать и спастись от верной гибели, правда, она спасла и себя, но ему незачем об этом знать.

Она спасла себя, это правда, но ей здесь плохо, не именно здесь, а вообще на земле. Она скучала, слоняясь по непривычно обширной кухне, осваивая кухонную технику, которая казалась ей чем-то чуждым, ненужным и громоздким. Хотя, если унять постоянное раздражение, все было удобным и рациональным. Когда Наденька была дома у Егора, она видела, что там каждая вещь знала свое место в отличие от их с мамой безалаберного хозяйства. И теперь, когда они

жили вместе, она решила, что ей стоит освоить все это, и она, пожалуй, освоила. Но это не спасало от смертельной скуки, одолевшей ее жестоко и безжалостно. Пожалуй, можно было заняться чем-нибудь, с ее знаниями английского и французского была возможность что-нибудь придумать, но не хотелось ничего, у нее не было ни желаний, ни потребности. Было только одно желание: чтобы боль почаще отпускала ее и мгновения эйфории длились подольше. Она надеялась, а что ее состояние не заметно внешне, во всяком случае очень старалась никак его не а показывать, а если становилось совсем не вмоготу, то ссыалась на нездоровье. Но Егор был слишком занят и, как думала Наденька, ничего не замечал. Сейчас, стоя перед зеркалом, она почувствовала, что тоска отпускает ее и, возможно, приближается вполне сносный период, а может быть, даже начнется эйфория, которой хватит на все свадебные действия. Она отвернулась от зеркала и пошла к двери, с радостью ощущая, что боль уходит из груди и становится легко, совсем легко, как после вдоха. И это ощущение все росло и росло.

Когда они с Егором вышли из православной церкви, где все же решили венчаться, потому что здесь никто и не мыслит, что можно без этого обойтись, Егор был так достоин-серьезен, а Наденька так сияла, что им простили отчужденность и малую общительность, которую многие принимали за, ничем не обоснованную, спесь.

Впрочем, он изобретатель, и, говорят, очень талантливый,

а такие люди вообще со странностями, а она, возможно, трудно сходится с людьми, да они и приехали недавно. Говорили еще, что их отъезд был связан с опасностью, вроде бы они спасались от кого-то, видимо, она пережила потрясение, а на вид эта Наденька совсем девочка. Так что свадебные поздравления звучали тепло и искренне.

Солнце пригревало по-весеннему, и все были рады поводу повеселиться. В маленьком ресторанчике, где состоялся свадебный ужин, быстро воцарилась непринужденная атмосфера. Тосты сменяли друг друга, и гости, как водится, постепенно забывали о поводе для веселья, впрочем, периодически кто-то настойчиво кричал «горько», и жених с невестой послушно поднимались со своих мест и целовались. В очередной раз, садясь на место, Егор сказал:

– Жаль, что мама не видит.

– Да, – односложно ответила Наденька.

Собственно, в значительной степени ради родителей – его и ее – устраивалась свадьба и покупалось свадебное платье, ради них бегал по маленькому залу оператор с кинокамерой.

Мануила Бейлиса тоже пригласили на свадьбу, теперь он сидел среди гостей и не мог нарадоваться самому себе, он действительно великолепный делец, делец от бога. Он вспомнил, как Наденька пришла к нему в гостиницу, и как он долго не мог понять ее, и как терпеливо она ему все втолковывала. И как, наконец, до него дошло, что, заключая договор на покупку изобретения с фирмой «Анонс», он поку-

пает пустышку, поскольку в самих чертежах не отражено все, что делает реализацию изобретения возможным.

Он тогда быстро принял решение и в кратчайший срок увез их обоих. Тогда Наденька сказала ему, что Егору грозит опасность. Он верил и не верил, во всяком случае не думал об этом, но теперь понимал: им действительно грозила опасность, им обоим, причем опасность нешуточная, и, возможно, сама Наденька была связана с теми, от кого исходила опасность, да что теперь об этом думать. Как бы там ни было, все сложилось счастливо для него, хорош бы он был, заключив договор с «Анонсом». Да и для них все сложилось неплохо, даже если отбросить ту существенную деталь, что они остались живы. Конечно, вознаграждение, которое получает здесь Егор, по здешним масштабам нельзя назвать значительным, но сейчас это его устраивает, и, возможно, будет устраивать еще долго, в конце концов все познается в сравнении. Кем он был у себя на родине? Никому не нужным безработным. Целью тогдашней поездки Бейлиса не была охота за мозгами, но совершенно неожиданно он привез голову, причем голову первоклассную.

Отважно мешая водку с шампанским, как здесь делали все, Мануил Бейлис все более веселел. И, когда вновь заиграла музыка, он встал, обошел вокруг стола и пригласил невесту. Они танцевали на маленьком пяточке, и к ним постепенно присоединялись другие пары. Мануил Бейлис слегка прижимал к себе улыбающуюся На-деньку и думал, что в мире

все вовсе не так о плохо, как принято думать. Егор слегка кивал в такт музыке и смотрел, как танцует Наденька.

Он хвалил себя за то, что устроил венчание, и эту свадьбу, и белое платье, и фату. Он представлял, как родители смотрят видеозапись вместе с родственниками и знакомыми. Как будет гордиться и радоваться мама, да и папа, хотя и скажет что-нибудь пренебрежительное по поводу свадебных торжеств, тоже будет доволен. Он сам все предложил, Наденька не высказывала никаких пожеланий и тем более не настаивала, но ведь он знал, что каждая девушка мечтает о белом платье и свадьбе, поэтому долг мужчины – предоставить ей все это. Он смотрел на танцующих и чувствовал себя дарителем, чей подарок принимают с радостью. Танец окончился. Мануил Бейлис проводил Наденьку на место и посадил рядом с Егором. Она улыбалась и казалась вполне счастливой.

Но, когда в очередной раз прокричали «горько» и он, слегка приподняв фату, поцеловал ее, она сказала свистящим шепотом так зло, что у него холодок пробежал по спине:

– Послушай, может быть, мы уже своё отпахали?

Его поразили не столько ее слова, сколько злобный шипящий тон, но он тут же подумал, что, возможно, это просто усталость, целый день на ногах и волнение тоже сказалось, да, конечно, она больше не в силах улыбаться. Что касается его самого, то ему это действие надоело намного раньше, чем началось. Все было сделано сугубо для нее, ему вообще

никогда не нравилось долго находиться на людях, ее слова лишний раз показывают, насколько они похожи. Она хотела свадьбу, как всякая девушка, но не могла, конечно, не почувствовать всей пошлости этой церемонии, дурацкого веселья и выкриков полужнакомых людей, которым нет до них никакого дела. Он крепче обнял Наденьку за плечи и заговорщически подмигнул:

– Сейчас закончим работу.

С этими словами он подхватил Наденьку на руки и, обогнув стол, направился к выходу, белое платье путалось у него в ногах, а фата подметала пол, он обернулся и, улыбнувшись как можно шире, бросил на ходу:

– Всем спасибо, продолжайте без нас.

Кто-то поднялся и зааплодировал, это понравилось, и вот уже хлопали все, так, под хлопки и выкрики, он и вышел на улицу. Егор стоял на краю тротуара, представляя собой вполне замечательное зрелище. Жених а невестой на руках и негустой толпой веселых гостей позади. Почти сразу же и перед ними затормозило такси. Егор опустил Наденьку на землю. Помог ей забраться в машину, уселся рядом и назвал адрес.

Обнимая Наденьку за плечи, он чувствовал, что она вся напряжена и натянута, как струна. Именно для того, чтобы снять с нее напряжение, он сказал:

– Ну, все, теперь ты можешь быть совершенно спокойна.

Много позже, вспоминая эту фразу, он решил, что, пожа-

луй, не стоило ее произносить, но в тот момент реакция Наденьки прозвучала для него громом в погожий день. Ее лицо исказилось почти до неузнаваемости, Егор даже не представлял себе, что она может стать такой некрасивой. Она не сказала, а прошипела сквозь зубы:

– Значит, я могу быть спокойна, значит, ты меня благодетельствовал, ах, спасибо тебе большое, ах, я так волновалась, что ты на мне не женишься, ну конечно, кто ты и кто я, это ведь ты ценный человек, а я просто при тебе, и, если бы ты на мне не женился, меня бы отсюда выдворили, ах, спасибо тебе большое.

Ее голос становился все громче, переходя на пронзительный визг.

– А ты знаешь, что бы с тобой было, если бы не я? Тебе, конечно, здесь нормально, ты создаешь какую-то свою галиматью, а я, что мне делать – осваивать кухонный комбайн осваивать, будь он проклят, или по магазинам гулять?

Последние ее слова заглушили всхлипы, и она зарыдала, судорожно выкрикивая и содрогаясь всем телом:

– Ненавижу! Ненавижу! Все ненавижу...

Егор не имел большого опыта обращения с женщинами, да и вообще с людьми, он был изобретателем и творцом, он подсознательно берег свои эмоции. Что касается женщин, то свой небольшой опыт он приобрел с теми, кто не давил на него и ничего не требовал. Такая позиция, с одной стороны, ограничивала житейские познания, с другой – позволяла со-

хранить некоторые иллюзии. Из книг Егор вынес представление, что подобными рыданиями истерика обычно заканчивается. Он попытался покрепче обнять Наденьку, но она оттолкнула его с силой, которой он от нее не ожидал.

Водитель ни разу не обернулся на протяжении всей сцены. Он ставил себе в большую заслугу остановку возле ресторана, из которого вышел жених с невестой на руках. Ему уже пора возвращаться в гараж, а эта пара, очевидно, живет где-то неподалеку, значит, поездка невыгодная. Кроме того, он сразу угадал в них соотечественников, а скромный ресторанчик, в котором играли свадьбу, достаточно красноречиво говорил об уровне их достатка, значит, на особо щедрые чаевые рассчитывать нечего, хотя, конечно, размер чаевых не всегда зависит от уровня достатка. Но, так или иначе, он все же решил подвезти эту красивую пару, сделать, так сказать, доброе дело и в наказание за свою сентиментальную дурость вынужден теперь выслушивать безобразную сцену. Эта баба – суцая фурия, непонятно, что ей не так, чем ей кухонный комбайн не угодил, может, лучше в своем отечестве чистить ножиком мерзлую картошку?

Наденька вышла из машины и почти бегом направилась к лифту. Когда Егор расплачивался, шофер такси старался не смотреть на него, чтобы не смущать, однако давать советы всегда было его слабостью, к тому же он не мог не посочувствовать соотечественнику. Но если сказать хоть слово, этот парень будет знать, что он все понял, и ему станет еще более

неприятно. Однако сдержанность не входила в число основных добродетелей недавнего эмигранта, решившего начать с карьеры таксиста. Принимая довольно щедрые чаевые, он сказал с заметным хохлацким акцентом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.